

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033**

ПРОДОЛЖЕНИЕ САМОЙ ИЗВЕСТНОЙ КНИГИ НУЛЕВЫХ

МЕТРО 2035

ХОЧЕШЬ ПРАВДУ?

Книжки
15
18+

act 18+

metro

МЕТРО 2035

МЕТРО 2034

МЕТРО 2033

18+

НАШЕ ПРАВДЫЕ МАКСИМ

МАКСИМУМ ВЕЩЕЙ

ЖУРНАЛ РУССКИЙ РЕПОРТЕР

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033**

НАИЛЬ ВЫБОРНОВ

**МЕТРО 2033:
ПЕРЕХОД**

**Издательство АСТ
МОСКВА**

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В92

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Автор идеи — Дмитрий Глуховский
Главный редактор проекта — Вячеслав Бакулин

*Оформление обложки — Александр Черномаз
Карта — Леонид Добкач*

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

Выборнов, Наиль Эдуардович.

В92 Метро 2033: Переход: [фантастический роман] / Наиль Выборнов. —
Москва : Издательство АСТ, 2017. — 352 с. — (Вселенная метро 2033)
ISBN 978-5-17-103245-6

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского — культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж — полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Пока в Казани речи сладкоголосых джинов сплетаются в узоры, в Набережных Челнах свистят пули и льется кровь. Война здесь так и не закончилась, и будет идти, пока есть, что делить. Неважно что: еду, патроны, чистый воздух и жизненное пространство в немногочисленных убежищах. И даже если ты отказался от того, чтобы считать себя человеком, тебя найдут и заставят участвовать в своих играх.

То, что предназначено, в любом случае случится. Ведь от судьбы не убежать, не спрятаться в подземном бункере. Отсидеться не удастся. Остается только выбрать сторону.

**УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-17-103245-6

© Д.А. Глуховский, 2017
© Н.Э. Выборнов, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

ВСЕ, ЧТО НАС НЕ УБИВАЕТ, ДЕЛАЕТ НАС СИЛЬНЕЕ

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА ВАДИМА ЧЕКУНОВА

Друзья, скажу честно: меня всю сознательную жизнь настораживало это словосочетание — «объяснительная записка». Будто натворил дел, набедокурил по полной программе, а теперь вот бери бумагу и ручку, пиши... Объясняй, как дошел до жизни такой. Куда дел сокровища убиенной тобой тещи и куда пропал Вячеслав Бакулин.

Да всё в порядке. И теща жива-здоровая, и Вячеслав никуда не делся. Он зримо и незримо всегда с нами. Это дежурных по эскалатору Московский метрополитен собирается сокращать зачем-то, а в нашем Метро — иные порядки. У нас ценными кадрами не разбрасываются.

Вячеслав сказал: «Напишешь объяснительную — представишься народу».

Но что там представляться, в наш век, когда космические корабли бороздят вселенную, а телефоны того и гляди к ним присоединятся. Кому интересно, сам все найдет и прочтет.

Объяснительная — не биография и не интервью.

Поэтому лучше я вам расскажу о нескольких случаях из своей жизни. Со всем не героических, вполне заурядных. В памяти их целая куча, как стекляшек в калейдоскопе.

Эпизод номер раз.

Жаркое небо. Звон кузнечиков. Шорох листьев в роще за домом.

Сбежав со двора от бабушки с дедом, я исследую природу и жизнь. Опыт мой скуден, основа его — литературная, из выученных стихов.

На крохотной лужайке пасется козленок. Забавный и безрогий — лишь два бугорка над мохнатым лбом. Бегает на привязи по кругу вокруг железного колышка.

«У меня живёт козлёнок, я сама его пасу. Я козленка в сад зеленый рано утром отнесу. Он заблудится в саду — я сама его найду».

Козлят я раньше видел лишь на картинках, и все мои представления о них — вот из таких девчачьих стихов.

Мы радуемся друг другу и бежим навстречу. Я ещё не решил, что буду делать — в планах и покормить, и погладить, и покататься.

В отличие от меня, козленок прекрасно знает, чем заняться.

Выждав, когда я забегу за черту его круга — где трава объедена и примята, он подскакивает и с размаху влетает мне в живот.

От боли и неожиданности я цепенею. Моей непонятливостью козленок спешит воспользоваться — снова бодает меня крепкой головой. Я падаю на траву и опять получаю — на этот раз в плечо.

Подвывая, на четвереньках выбираюсь из владений драчуна. Поднимаюсь и бегу домой, с каждым всхлипом укрепляясь в плаче и переходя на ор.

Этими криками я ужасно сержу соседского лохматого пса. Чёрной тенью он выскакивает из-под забора и крепко цапает меня за ногу. Обегает кругом, словно оценивая работу, и кусает еще и за руку. Довольный, быстро скрывается.

Обезумев от боли и горя, добираюсь до участка.

Бабкины причитания и крики меня почти не расстраивают.

Это ерунда по сравнению с недоумением и горькой обидой на весь свет — сердце переполнено ими.

«Как же так... как же так...» — бесконечно повторяю я, пока дед везёт меня на своих «Жигулях» в больницу.

«Не ной! — сурово обрывает дед, не отрываясь от дороги. — Будь мужиком!»

У деда на чердаке хранится его шинель с наградными планками. Дед прошел всю войну.

«Не буду!» — обещаю деду.

Он изумленно поворачивается:

«Почему не будешь?!»

Я поясняю:

«Нить не буду. А мужиком — буду».

Деда давно нет, но мне хочется надеяться, я все же не разочаровываю его, если он смотрит на меня с небес.

Эпизод номер два.

Витрина «Спортоваров» украшена человечками-символами. Бегун, штангист, пловец... Мне — пятнадцать, и я твёрдо решил приобщиться к миру спорта. Удочки и спиннинги меня не интересуют. Равно как и ракетки с воланчиками. С видом знатока пытаюсь растянуть эспандеры и рассматриваю остальные снаряды. Гантели выбираю пятикилограммовые, литые. В хозяйственной сумке тащу их домой. После отдыха и чаепития целый час качаю бицепсы. Выхожу из дома воодушевленный, слегка растопырив руки. Опять иду в «Спортовары». Уже опытному атлету, мне нужен серьёзный вес. Из набора гирь выбираю самую тяжелую, тридцать два кило. Сумки на этот раз у меня нет. Выхожу с гирей в руке и задумываюсь. Ее придется нести на глазах у людей. Пусть все видят — идёт настоящий атлет. Значит, делать это надо легко, непринуждённо. Чуть ли

не оттопырив мизинец и насвистывая. Так я и пробую, меняя руки все чаще и чаще. Дойдя до проспекта, понимаю, что придётся встать и отдышаться. Делаю вид, что мы с гирей совершенно случайно оказались рядом. Прохожие усмеваются и откровенно веселятся. Может, и нет, но мне так кажется. Представляю нас со стороны — длинный и тощий я, с налипшими на лоб волосами, и пузатая, уверенная в себе гиря, с ручкой-крендельком и гордой цифрой «32» на выкрашенном серой краской боку. Едва дожидаясь зелёного цвета. Хватаю спортивный инвентарь двумя руками и бегу через проспект, всё больше накрепкаясь вперёд. Клянусь себе донести чугунку до дома без привалов. Плечи и шею нещадно ломит, в глазах всё прыгает и рябит. Прохожие лезут под ноги. Возле самого дома гиря выскальзывает из моих пальцев, стучается об асфальт. Едва успеваю убрать ногу. Весь двор с интересом наблюдает за происходящим. Гирю я все же приволакиваю домой и с ненавистью выставляю на балкон...

Вечером затаскиваю ее обратно. Поднять над головой не могу, но начинаю осваивать тяги.

«Я не сдамся! — шепчу сам себе. — Я стану самым сильным!»

Теперь мне куда больше лет, и я знаю, что в мире полно людей сильнее меня. Пока что.

Ведь я не сдался и тренировки не бросил. И буду идти до конца. Во всяком случае, сегодня — снова в спортзал. Приходите и вы.

Эпизод номер три.

Мы — команда призывников, едем в неизвестность на два года. Теплая водка уже выпита, но веселья в головах никакого. Уныло смотрим в окно. Ночью шел дождь, вся скудная природа отсырела напрочь. Лязгая, поезд ползет мимо однообразных пакгаузов. На стене трансформаторной будки кем-то выведена черной краской кривая надпись: «Не жди чудес!» Я киваю в знак согласия с неизвестным автором. Постройки заканчиваются, за окном возникает перрон неизвестной станции. Поезд проходит ее без остановки. Плывут в утренней пелене фонарные столбы, кривые скамейки, обшарпанная стена вокзальчика. У самого конца перрона мы видим десятка два сидящих на корточках людей со сложенными на головах руками. Конвой возвышается над ними мрачными истуканами. Рослый офицер в плащ-накидке стряхивает дождевые капли с планшета. На секунду он оборачивается, бросая раздраженный взгляд на наш поезд.

— О как... — говорит кто-то из наших. — Этим-то еще хуже.

Притихшие, едем и думаем каждый о своем. Я неожиданно понимаю, что чудес ожидать и впрямь смысла нет.

Спустя пару лет буду идти по мосту через реку в одном из южных городков, зная наверняка, что прекрасно виден снайперу. Вон там он, на той стороне, в

рощице. А день удивительно солнечный, небо чистейшее, от бликов на воде рябит в глазах, а воздух — вкуснейший, особенно когда каждый вдох того и гляди станет последним.

Я часто вспоминаю тот день как один из самых чудесных в своей жизни.

Жизнь — это и есть чудо, какой бы она ни была.

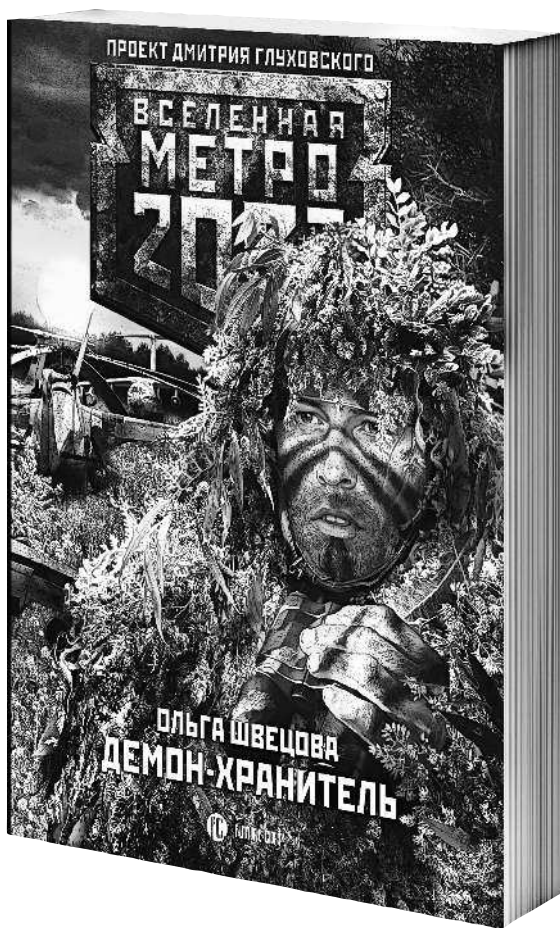
Ты жив — и это уже замечательно.

К чему я это все рассказал?

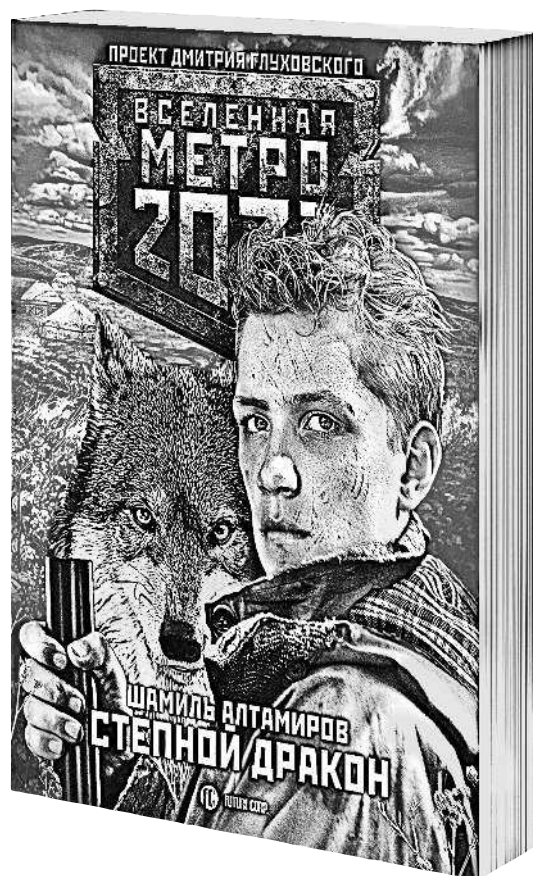
А вот к чему. Книга, которая у вас в руках, — она о том же. Просто там больше жути — стрельбы, крови, радиации и вирусов. Больше страданий и смертей. Там пылает злоба, одолевают болезни, творятся предательства. Но и на этом фоне находится место дружбе и даже любви. А это ли — не чудо?

Пока люди живы, будет живо и чудо.

Берегите себя.

В мире после Великой Катастрофы все реже встречаются ангелы, а вот в их антиподах нехватки нет. Найденный в подмосковном лесу чужак — тоже не исключение из правил. Он хитер, дерзок, жесток, бесстрашен и почти аморален. Он ни в грош не ставит человеческую жизнь и способен на все ради достижения своей цели. К тому же, бывшему Привратнику Алексею Колмогорову нечего терять — он уже ступил в долину смертной тени и не боится зла. Впрочем, не потому ли, что он сам — зло? Но отчего тогда за спиной этого демона-хранителя становится спокойнее и исчезает страх?

Испокон веков по просторам степи ходила страшная легенда о древнем проклятии — чудовищном драконе Айдахаре, сеющем зло и страдания. И вот теперь это страшное имя вновь звучит на земле, опаленной Последней Войной. Ревет атомное сердце, брызжет обжигающей свинцовой кровью, скрежещет сталью чешуя огромного лязгающего тела. И исчезают одно за другим поселения выживших. Но нашлись двое смельчаков, которые не утражились злу и отправились в погону за чудовищем через пыльное раздолье и заброшенные города Казахстана. Один — в поисках отмщения, другой — ради спасения единственного родного человека...

ГЛАВА 1

НЕ БЕЛЫЙ БАРС

В обычное время подземный переход освещался двумя десятками светодиодных ламп, что было достаточно для нынешних времен. На несколько часов в день включали большие ртутные, громко гудящие под низким потолком, но это для растений и детей: нужно же им получить необходимую дозу ультрафиолета. Экономили на всем — диоды и светят ярко, и почти не греются, а значит, имеют максимальный КПД.

Костры жечь запрещалось строго-настрого. Еще бы, тут пространства-то нет: метров пятнадцать в длину и шесть в ширину, узкая бетонная кишка, стенки которой покрыты мелкой керамической плиткой. Ну и, естественно, гермозатворы — современные спутники любой жизни. По той простой причине, что жить на поверхности теперь невозможно.

А вообще, убежища из подземных переходов так себе: расположены неглубоко, людей вмещают мало, даже с учетом многочисленных подсобок. Тем более что по проекту рассчитаны были на эксплуатацию в течение трех-пяти дней. Именно после этого людей должны были начать вывозить из города. Эвакуировать, если по-военному.

— Если бы только в России хоть что-нибудь использовали согласно плану эксплуатации, — прошептал Илья, покачивая головой. — Общество вторичного потребления.

Люди, сумевшие изобрести уйму способов применения обычной упаковки из-под йогурта: от коробочки под скрепки до горшочка под рассаду. Россияне. Или все же советские люди?

Поставив кастрюльку на огонь, мужчина откинулся в своем инвалидном кресле и снова задумался.

— Куда там Западу! У тех, наоборот, все одноразовое было — одежда, обувь, любовь. Даже мир для них оказался одноразовым. Сожгли, выбросили и забыли.

Илья не мог поверить в то, что первый удар нанесла его страна, хотя и не знал точно, кто первым нажал на кнопку. Как и любой другой человек, которому посчастливилось выжить. Правда, «посчастливилось» означало оказаться обреченным на прозябание в подземном переходе среди таких же «счастливчиков».

Грустно усмехнувшись, мужчина потянулся к пачке макарон, добытых его старым товарищем с одного из пищевых складов. Сильные руки легко порвали упаковку. Спагетти с хрустом разламывались, летели в кастрюлю.

— Илья? — раздался детский голос.

— Да, да. — Повернув голову на голос, мужчина покивал своему воспитаннику. — Минут через пятнадцать зови остальных, ужинать будем.

Ужин сегодня почему-то пришелся на ночь. Не дело это, совсем не дело. Старый инвалид философствует, бедные дети голодают, а ведь им спать пора давно. Им и так нелегко учиться всему, чему он пытается их научить.

Макарены постепенно разваривались. Странно, что они вообще сохранились, несмотря на крыс, жуков и прочих тварей. Сколько там лет прошло с даты их изготовления?

Для интереса отыскав на разорванной обертке дату производства, мужчина в очередной раз горько усмехнулся — действительно, общество вторичного потребления. Почти двадцать лет, это не шутка.

Правда, эти же самые двадцать лет никто ничего не производил. По крайней мере, в промышленных масштабах точно. Поэтому пользовались тем, что осталось с прошлых времен.

А кем бы он стал, если бы получил увечье в довоенное время?

Скорее всего, очередным обломком, прозябающим на социальной пенсии. Еще вроде как можно было такую работу найти, чтобы из дома не выходить. Но тут Илья точно не знал — знакомых таких у старого инвалида не было.

Хотя какой же он старый? Ему же еще и сорока пяти нет! Молодой совсем мужчина, особенно для прежних времен. Как говорится, в самом рассвете сил.

Только вот что бы ты делал, если ты — молодой мужик, у которого все еще впереди, взял и потерял ноги? Когда все перспективы резко обламываются и остается только пустота.

Сам Илья считал, что не сломался только потому, что после Войны перспектив у него не было никаких. И еще, возможно, его ценили из-за опыта. Все-таки высшее техническое образование, два года мародерства на поверхности и...

Увечье, ампутация конечностей, затворничество, полное погружение в работу с техникой. Нашел к чему приложить свои силы.

Хотя, черт подери, разве этот газ, на котором теперь готовят еду и который сжигают ради получения электричества, — не его заслуга? Не он разве собрал биореактор, работающий по принципу анаэробного сбраживания пищевых отходов?

А потом предложили воспитывать детей. Опыт работы с подрастающим поколением у него был. И хотя старшекласники, у которых он вел научное общество, сильно отличались от этих парнишек, старшему из которых только-только исполнилось двенадцать, наверное, он подходил для этого лучше всех.

Хоть премию Макаренко давай.

Да. Вот и макароны сварились.

Убрав с плиты кастрюлю, инвалид положил на конфорку две открытые банки тушенки. По торговой палатке, которую выделили ему в качестве жилья, пополз вкусный запах жареного мяса: тушенка пригорала, но ничего страшного.

Ее нужно хорошенько выварить: всякая фигня дохнет от жара. И хорошо, что дохнет. Заболеть сейчас, когда не осталось ни поликлиник, ни врачей... Да лучше уж сразу пулю в лоб.

— Коля, пойдй слей воду с макарон, — показал Илья на горячую кастрюлю одному из своих воспитанников и, задумавшись, спросил чуть строже: — Руки мыли?

— Мыли, — в один голос ответили ребята.

Коля подошел к столу, снял с крючка, прибитого к стене, тряпку и, захватив с ее помощью кастрюлю, вышел из комнаты.

— За стол тогда давайте, — произнес инвалид, проводив своего ученика взглядом.

Пахла поджаренная тушенка так, что впору было захлебнуться слюной. Правда, лука бы еще и перца черного...

А ведь раньше есть тушенку не принято было — считалась едой туристов и тех, кто себе свежатину позволить не может. По крайней мере, сам Илья ее не ел.

Николай вернулся и принялся накладывать макароны. Склеились немного, но это ничего, кушать можно. Главное, что в них крахмал есть. Углеводы.

Инвалид подкатил в своем кресле к столу и выдал каждому по щедрой порции тушенки. Деликатес, ребят побаловать.

Да и повод есть. Первое сентября. Хотя, как и большая часть праздников, первое сентября утратило свое значение — учеба теперь шла круглый год, а от результатов ее зависело не поступление в вуз, а выживание.

Коля сел по правую руку от учителя. Двенадцать лет пацану, самый старший из всех. Хотя, один хрен, его жизненный опыт... После Войны родились же. Значит, кроме перехода ничего и не видели.

Алюминиевые ложки заскоблили по тарелкам. Сам Илья положил себе в рот большой кусок тушеного мяса, разжевал. Вкусно. Лучше, чем грибы, они приелись уже.

Правда, не так вкусно, как свежатина. Не крольчатина, которую выращивали в их подземном переходе, и уж тем более не свинина откуда-нибудь с «Театральной» или других мест. Но стоило свежее мясо соответственно, инвалид не мог позволить себе такого.

Коля, с аппетитом жуя, посмотрел на остальных. Сидящий напротив Леха едва заметно кивнул, Марк, мальчонка восьми лет, нетерпеливо задрывал ногами.

— Илья. — Николай привлек к себе внимание учителя, отложил ложку и как ни в чем не бывало проговорил: — Расскажите о том, что до войны было.

Он был поразительно взрослым для своих лет: обращался вежливо, но не стеснялся, если чего-то хотел. Хотя, наверное, взрослым он выглядел на фоне двенадцатилетних детей того, довоенного мира. Акселерация.

Раньше все говорили про акселерацию иного типа, будто бы по сравнению с прошлым увеличилась масса тела и рост детей относительно их возраста. Из-за хорошего питания и прочих факторов. Оно, конечно, вполне возможно, только вот во время Древней Руси, например, неженатая девушка в шестнадцать лет — старая дева. Да и в Европе средневековой...

Сколько матери шекспировской Джульетты было? Тридцати не было точно. А она себя считала старухой, у которой все позади. Попробовал бы ты до Войны назвать кого-нибудь в этом возрасте старухой... Скорее всего, назвали бы хамом, а то и в лоб дали бы.

А разве позволили бы кому-нибудь в двенадцать лет жениться? Это же нонсенс. Отправили бы на телепередачу, где ведущий с шокированным видом рассказывал бы об этом.

Видимо, вернулось то время. Средние века. И Николай женится скоро, сам детей заведет. Отдадут их Илье на воспитание? Ведь все, кто родились до Войны, для нового поколения — старики. И разница поколений видна как никогда, хотя дело даже не в мутациях.

Второе Средневековье.

— Что конкретно рассказать? — внезапно охрипшим голосом спросил инвалид.

— Да обо всем. — Ребенок кивнул, показывая, что понял вопрос. — И о себе, и о мире вообще.

— Мир... — начал было Илья, но остановился. Откашлялся, потер лицо рукой, терпко пахнувшей машинным маслом, и продолжил: — Мир, мальчик мой, был переполнен пресыщенными идиотами.